

УДК 94(47)

ТОРГИ, ЗАСТАВЫ И ТАМОЖНИ ПОГРАНИЧНОГО ВОЛЖСКОГО ГОРОДА В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII в. (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

© 2019 Э.Л. Дубман

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Статья поступила в редакцию 05.12.2019

В статье рассмотрены особенности формирования торгово-хозяйственной округи русских пограничных городов конца XVI – начала XVIII в. На примере волжской Самары показано становление системы торгов, застав, таможен, сборов с торгово-промысловых операций. *Ключевые слова:* город-крепость, торговые пути, Волга, пристани, торги, заставы, таможи, откупа, сбор «десятой яицкой рыбы».

Известный исследователь русского средневекового города М.Г. Рабинович писал: «Устойчивость города как поселения, его долговечность определялись главным образом тем, насколько тесно этот город был связан с округой, насколько прочен был создававшийся вокруг него рынок»¹. Казалось бы, для порубежных городов-крепостей Юга и Юго-Востока европейской России более важными являлись военно-оборонительные функции. Но даже в начальный, наиболее сложный, период становления для многих из них сторожевая и торгово-промысловая округа, складывающаяся за пределами стен крепости и острога, дальние подступы к городскому локусу играли чрезвычайно важную роль. При этом зачастую отдельные компоненты данной системы, как, например, заставы, обслуживали как оборонительные, так и хозяйственные потребности развития городов.

Рассмотрим эту тему на примере волжской Самары конца XVI – начала XVIII в. Возникшие накануне Смуты на волжских берегах между Казанью и Астраханью Самара, Саратов и Царицын длительное время были прежде всего пограничными крепостями, в которых служилые люди и члены их семей составляли подавляющее боль-

шинство жителей. Так, в Самаре рубежа XVII-XVIII вв. их численность достигала 85% всех горожан, тогда как посадских людей насчитывалось около 10%². Только Самара после завершения Смуты смогла завести свой уезд на правом берегу Волги (в восточной части Самарской Луки), но и он как по территории, так и по количеству сельского населения был настолько незначителен, что не оказывал серьезное влияние на хозяйственное развитие города.

И все же, находясь на крупнейшем транспортном пути страны, в интенсивно развивающемся промысловом пространстве, значительная, если не основная, часть жителей этих городов-крепостей принимала постоянное участие в региональных экономических процессах. Исследователи неоднократно отмечали предпринимательскую активность различных групп служилого и тяглого населения в организации рыбных и соляных промыслов, транзитных торговых операций, посреднической торговле и т.д.³ В отдельных городах эта активность проявлялась по-разному. Если в Самаре, судя по окладной росписи пятины 1634 г. и документам, ей сопутствующим, среди предпринимателей оказались, помимо посадских людей и захребетников, стрельцы, пушкари, казаки и другие служилые люди⁴, то в Саратове в аналогичной росписи были учтены только посадские, соседи и подсо-

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории. E-mail: dubmane@mail.ru

седники⁵. Изучавшие окладную роспись по Саратову П.П. Смирнов и А.А. Гераклитов считают, что служилые группы населения в Саратове предпринимательством не занимались. На наш взгляд, этот вывод нуждается в дополнительной верификации.

Московские и местные власти пытались жестко фиксировать предпринимательско-торговую деятельность горожан, вводить ее в определенное, контролируемое русло с помощью организации таможен, застав и т.д. Для рассмотрения этих действий, помимо опубликованных источников, были широко использованы записные книги Печатного приказа⁶, документация таможен и другие архивные материалы. Особенно информативными среди них являются приходо-расходные книги местных съезжих (приказных) изб. Однако по Самаре, Саратову и Царицыну они не выявлены. Отметим, что рассматриваемая в этой статье проблематика лишь отчасти являлась предметом изучения историков⁷.

Складывание совокупности пристаней, торговых площадок, застав и таможен, пунктов сборов с рыбных промыслов и т.д. в Южном Средневожье, несомненно, необходимо связывать с основанием в 1586 г. Самары, или как ее еще называли в документах того времени, «Самарского города», «города Самарского». Вполне возможно, что временная, сезонно действующая застава или даже таможня могла появиться здесь несколько ранее строительства крепости, вскоре после присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Московскому государству в 1552-1556 гг. Сохранились достоверные известия о том, что в ключевых пунктах волжского побережья, между Казанью и Астраханью, русское правительство ставило на период навигации «плавные рати». Время посылки таких «плавных ратей» – 1550-е – середина 1580-х гг. Это были военные отряды, в задачу которых входили охрана волжского судоходства, бродов-«перелазов», выходов к акватории реки сухопутных путей и контроль за ними. В местах их «летовий» (вариант: «летовища») строились временные жи-

лица, легкие укрепления и острожки. В.Н. Татищев, основываясь на обнаруженных им документах, писал, что русские полки появились в устье р. Самары уже на следующий год после присоединения Казани⁸. Несколькими годами позднее, после взятия Астрахани «... на Самарское устье послали есмь Степана Кобелева со многими ж людьми. А велели есмь с Волги казаков всех сослати ...»⁹. Скорее всего, эти летние лагеря устраивались не в устье р. Самары, а на «горном», более безопасном, правом берегу Волги. О том же отряде Кобелева говорилось: «... против Самарского устья и до осени беречи»¹⁰. Если учесть, что протока «Сухая Самарка», бывшая в то время основным руслом р. Самары, впадала в Волгу 30 «верстами» ниже современного устья, то «летовье» должно было располагаться на Самарской Луке под «Шелехметскими горами». В «Разрядных книгах» о таких «плавных ратях» сохранились лишь краткие известия: так, например, под 1582/83 г. «... и князь Ивана Туренина послал государь на низ вплавную»¹¹. Однако отправляли их нерегулярно, не каждый год, и, по-видимому, только в критические для самого существования волжского судоходства периоды. Охраной волжского судоходства и организацией «перевозов» торговых караванов и посольств через Волгу занимались также нанимаемые на «государеву» службу отряды казачьей вольницы¹². Видимо, они не имели полномочий на таможенный досмотр судов и сбор пошлин. Так, например, в записках англичан, организовавших в 1550-х – начале 1580-х гг. семь экспедиций в Персию и Бухару, полностью отсутствуют известия о судовом досмотре на всем протяжении волжского пути от Казани до Астрахани¹³.

Нередко суда не успевали пройти Волгой до того, как река «станет», и «вмерзали» на полпути. Для них по волжским берегам, видимо, устраивались особые пристани с зимовьями. В краеведческой литературе встречаются утверждения, что во второй половине XVI в. в устье основного рукава р. Самары были устроены пристань и неболь-

шое поселение¹⁴. Действительно, сведения о зимовке судов в районе «Самарского урочища» имеются, но только начиная с 1586 г., когда Самарская крепость уже была построена. Однако русские и ногайские послы, а также купцы, у которых «замерзли суды ... в розни и зазимовали», вынуждены были пережить зиму не в одном из устьев р. Самары, а на правом берегу, там же, где ранее устраивались уже отмеченные нами летовья «плавных ратей», «... ниже Самарского города 20 верст в Шилихмицких горах» (Шелехметских). Видимо, там же имела пристань, а в документах прямо указывается на наличие «зимовья»¹⁵. Известно также, что суда зимовали в «Куньей воложке» в окрестностях современного Тольятти.

Для военизированного населения начальной Самары (как и других волжских городов) особую значимость в ее торгово-промышленной деятельности имели транзитные перевозки грузов по Волге. В конце XVI в. в составе весеннего и осеннего караванов проплывало до тысячи и более судов. Некоторые имели грузоподъемность от 500 до 1000 и больше тонн¹⁶. Из астраханских озер ежегодно вывозили более 2 миллионов пудов соли, то есть до 20% производимой в целом в России того времени. В водах северного Каспия, на Средней и Нижней Волге, Яике добывалась и переправлялась в центр основная часть вылавливаемых в стране ценных сортов красной рыбы. Акватория Волги связывала Московское государство с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и даже с далекой Индией, откуда поставлялись разнообразные восточные товары. Смута на некоторое время прервала эти торговые связи. Но уже в 1614 г. русскому правительству удалось восстановить торговые отношения с Ираном¹⁷. Несколько позднее, в 1628 г., персидские товары, привозимые в Астрахань и следующие затем транзитом через волжские города, были вообще освобождены от пошлин¹⁸. Московское правительство пыталось направить поток иранского шелка-сырца только через Россию. С этой целью в 1667 г. и в последу-

ющих годах была выдана особая грамота на провоз этого товара базировавшейся в Персии Армянской торговой компании¹⁹. Большегрузными стругами, насадами, коломенками, кладями, досчаниками²⁰ к Астрахани спускали лес, оружие, боеприпасы, меха и прежде всего хлеб. Небольшая часть из судово-кладной оседала в городах-крепостях ниже Казани, перераспределялась там, становилась товаром для местного служилого и посадского населения. Под недавно возникшими городами необходимо было обустроить пристани для перевалки грузов, ремонта судов и т.д. Сложно говорить о времени возникновения и местонахождении самарской пристани. Составитель «Самарской хронологии» А.Г. Елшин пишет о ней как уже существующей в 1600 г.²¹ Самарский краевед Е.Ф. Гурьянов считает, что, после того как изменилась гидрография Волги и нижнего течения р. Самары в середине XVII в., пристань находилась на Волге под самим городом²².

Трудно судить, насколько интенсивно в городе торговали «волжскими товарами». Несомненно, что определенная их часть, прежде всего завозимых сверху (хлеб, оружие и боеприпасы для казачества Яика и т.д.), оставалась в Самаре. Отсюда их «охотники» перевозили на Яик и в другие места.

Крупным торговым сухопутным путем был среднеазиатский, ведущий к Москве через волжско-уральские степи и Самару. Он получил развитие уже во второй половине XVI в. Товары из Средней Азии и обратно шли не только степными караванными путями, но и волжским речным. Положение царского указа 1558 г., разрешившего бухарским и хивинским купцам торговать в Астрахани, позднее были распространены на города, стоявшие выше по течению реки²³. По степным дорогам торговые караваны выходили к Самаре, а затем с помощью бродов-«перелазов» переправлялись через Волгу под построенной позднее Сызранью, а также «Сосновым островом». Таковым являлся базовый для Самары маршрут товаров из Средней Азии. Восточ-

ные купцы, их называли «тезиками», имели в Самаре свой торг и «тезицкий двор». Например, в расспросных речах от 1617 г. хивинского посла Хаджи-Юсуфа имеются свидетельства о том, что «...приходили из Юргенч корованные головы с товары степью на Самару, ...сперва приходил корованная голова Достогул с товарыщи, а с ними было в короване с 300 телег ..., а в другом короване ... з 200 телег, а с третьим корованом ... с 50 телег, а в четвертом короване ... з 200 телег...»²⁴. Воеводствовал в Самаре А. Шель в 1676 г. писал в Москву: «... в прошлых ... и в нынешних годех те купчины приедучи на Самару продавали всякие товары: киндяки, шелк, сафьяны, выбойки, соль, а пошлины в нашего великого государя казну с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны»²⁵. Скорее всего, воевода сообщал о купцах, перевозивших свой товар на судах по Волге.

На р. Яик (Урал) располагался район промысловой добычи ценных сортов рыбы. Местные казаки и «яицкие промышленники» вывозили ее зимним санным путем в Самару, Симбирск и другие волжские города, откуда она отправлялась в центральные районы России. В обратном направлении обозы шли с хлебом, оружием и боеприпасами, промышленными товарами. Яицкая рыба считалась более качественной, чем волжская, и поэтому за ней посылали целые экспедиции. Там же покупали рыбу промышленники Надеинского Усолья для того, чтобы вывозить в звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь. Нередко к монастырским зимним обозам «пристраивались» местные жители, пытавшиеся таким образом укрыться от внимания самарских таможенников²⁶.

Этим же путем в XVII в. шли крупные партии рыбы и рыбопродуктов, закупаемые дворцовыми промышленниками.

Под городскими укреплениями, за «дальними надолбами» была определена и, видимо, как-то обустроена площадка для торговли с ногаями, а позднее с калмыками. Кочевники пригоняли для продажи

огромные табуны лошадей, стада скота, а в степь отправляли продукцию сельского хозяйства, ремесленные изделия. Уже на следующую весну после строительства крепости первый ее воевода Г.О. Засекин посылал служилых людей перевозить ногаев и «ордобазарцев» (торговцев из Средней Азии) к известным бродам через Волгу: напротив будущей Сызрани и к Сосновому острову. Например, 12 мая 1587 г. князь отправил к Москве два посольства Уруса и его мирз с купцами – «ордобазарцами» и с табуном лошадей почти в 2000 голов: «...а возитца деи ему у Самарского города»²⁷. Небольшие торги были устроены и под стенами Самарской крепости, где можно было торговать всем, кроме «заповедных товаров» – оружия, пороха, свинца и т.д. Эти торговые сношения были чрезвычайно важны для кочевых народов. В случаях, когда русская администрация отказывалась от торговли, последние нередко начинали военные действия.

Характерно, что ногайские мирзы просили, чтобы с отпускаемыми послами Засекин давал разрешение их ордам «... летовать на Самаре и на Волге бесстрашно». Тем самым, самарские воеводы утверждались общепризнанными гарантами безопасности ногайских кочевий в Среднем Поволжье.

Еще один, сравнительно небольшой торг, был устроен в самом городе, у кремля, на торговой площади посада. В описании Самары московского купца, гостя Ф. Котова, спускавшегося волжским путем в 1623 г., указывалось, что торговые ряды были устроены «в городе», т.е. под защитой острожных укреплений²⁸.

Основные занятия горожан, их хозяйственная деятельность были связаны с волжским судовым транзитом, степными торговыми путями и промыслами. По данным пятины 1634 г., среди примерно 200 человек посадского и прочего предпринимательского населения Самары насчитывалось лишь 27 ремесленников²⁹. Благополучие основной части прочих основывалось на торговой и промысловой деятельности, извозе и т.д. Горожане, посадские и значи-

тельная часть служилых людей жили, как говорилось, от одного торгового каравана до другого. При этом сами жители города потребляли для своих нужд сравнительно небольшое количество оставляемых в городе грузов. Вплоть до рубежа XVII – начала XVIII в. в Самаре, как и другие города, находившиеся ниже по течению Волги, завозили лишь хлеб для прокорма служилых людей, промышленные товары, боеприпасы и металл. Все прочие потребности покрывались за счет местных производств.

Значительная часть горожан подрабатывала извозом. «Яицкие» промышленники, привозившие с Яика рыбу и отправлявшие ее далее в центр страны, зачастую являлись самарскими жителями.

Рыбные промыслы, получившие широкое развитие в «самарских водах», неоднократно рассматривались нами в других работах, поэтому не будем специально останавливаться на этом вопросе³⁰.

В основном за счет посреднических торговых операций Самара по размаху торгово-производственной деятельности длительное время первенствовала в сравнении с располагавшимся ниже по Волге Саратовом. В первой половине XVII в. сборы с торгово-промыслового населения в Самаре в несколько раз были выше сумм, собираемых с Саратова, Тетюшей и некоторых других волжских центров³¹.

Весь этот узел речных и сухопутных транзитных торговых путей, посольских караванов был крепко завязан на Самаре и других волжских городах-крепостях. Для их обслуживания необходима была целая система застав, пристаней, постоянных дворов, караулов и т.д., контролирующих обширную округу вокруг волжских городов и уходивших далеко в лесостепное пространство. В XVII в. на торговых путях в степное Заволжье были устроены постоянные дворы, промежуточные пункты, так называемые уметы или уметные караулы: «по Моче реке и по Каралыку и по Иргизу и в Чохонских росошах», а также «Уметный караул от Дубового буярака по Грязнуху реку» и т.д.³² Их

откупа приносили доход как самарцам, так и, возможно, жителям других мест. Например, весной 1682 г. «на степи Станишный Умет ж и Мочинский подъем и харчевни и самарский перевоз» были отданы самарскому пушкарю М. Свяженину на 3 года, «а откупу ему платить по 10 рублей в год»³³.

Самара и другие волжские города длительное время находились под постоянной угрозой нападений кочевников, а нередко и вольного казачества. На ведущих к ним торговых и посольских путях, местах кочевых маршрутов, волжском побережье устраивались особые заставы. Дежурившие на них служилые люди выполняли двойную задачу. Заставы были нужны не только для «бережения» караванов и отдельных судов, предупреждения нападений на городские окраины; на них также производился досмотр, а в отдельных случаях и сбор пошлин. В некоторой степени они являлись форпостами городских таможен.

Начальные сведения о самарских заставах приводятся в записных книгах Печатного приказа только с 1651 г., хотя скорее всего они возникли значительно раньше. Их было несколько. Заставы располагались не только на подступах к городу из степного и лесостепного пространства, в междуречье Самары и Сока, на побережье Волги, но даже и на территории уезда в восточной части Самарской Луки. В источниках нет конкретных указаний на их точное местоположение. Есть, например, сведения об особой заставе «у яицкого рыбного промысла» в Самарском уезде (то есть на Самарской Луке) в «Новинках и Архангельском и Ильинском тож»³⁴. Чаще других указывается заставка «...против города на Волге реке». Также нередко упоминается название заставы «Осинники» и ее варианты в документах – «Осинки», «Осинничьи», «Осинники» на Яицкой дороге, в «Осинниках» на пропуске яицкой рыбы и икры, за Самарою рекой в «Осинниках» у пропуска яицкой, для досмотра «заповедных товаров» и т.д.³⁵ Кроме того, указан также «пропуск с Яика рыбного ж икрыного промыслу». Там же проводился и

досмотр «заповедных товаров», был устроен «рыбный двор» для досмотра «пропуску рыбы и икры»³⁶. Суммируя все эти обозначения, можно сказать, что досмотр проходил прежде всего на заставе в «Осинниках» на пропуске яицкой рыбы и икры у зимней станции, за Самарою рекою³⁷. Яицкие казаки жаловались, что «заставские прикащики щупами у них сукна «щупали» и обыскивали»³⁸.

Наиболее полную сводку данных о самарских заставах и дежуривших на них служилых людях приводит в своей рукописи о развитии Самары в XVII в. А.А. Гераклитов³⁹, что позволяет нам ограничиться лишь кратким экскурсом в эту тему.

В XVII – начале XVIII в. на территории Самарского края сложилась система таможен. Сведения о таможне в самой Самаре, размерах сборов и людях, которые ее брали на откуп или держали «на вере», весьма немногочисленны. В целом такие заведения в России XVII в. были однотипны. В малых пограничных городах управление таможней и «кабацкими сборами, а нередко и сборами с городских бань, лавок, приготовления кваса и т.д. соединялось в одних руках»⁴⁰. По всей видимости, в Самаре в конце XVI – начале XVII в., когда в городе практически не было посадского населения, такие сборы поручались либо подьячим съезжей избы, либо сдавались на откуп. Назначаемые из Москвы воеводы не имели права вмешиваться в непосредственную деятельность таможни, но осуществляли общий надзор за деятельностью таможенной избы. При этом, используя свои весьма широкие полномочия, воеводы нередко пытались принудить торговцев к уплате дополнительных платежей. Например, после завершения Смуты самарский воевода князь М.В. Белосельский собирал своеобразную дань с купеческих караванов, приходивших из Средней Азии: «... а со всех с тех корованов с тезиков дороги и киндяки и зендени и сафьяны и луки и сабли и лошади князь Михайло по тому жимал на себя, а денег ни за што никому не плачивал, ... со всех с тех корованов, которые при нем были на Самаре, взял на себя

у тезиков товару всякого и лошадей по их смете с 30000 руб.»⁴¹.

Переломными для развития таможенной системы страны стали Торговый (1653 г.) и Новоторговый (1667 г.) уставы. Ряд исследователей объединяют эти 2 важнейших законодательных акта и другие сопровождавшие и уточняющие их указы в одну единую реформу, коренным образом изменившую таможенное пространство Московского государства⁴². С проведением данной реформы был прекращен сбор издавна существовавших многочисленных таможенных сборов. Вместо них стала действовать так называемая рублевая пошлина. Отметим, что с предпринимателей-западноевропейцев она бралась в более значительных размерах, чем с русских.

Ряд материалов, свидетельствующих о деятельности таможни в Самаре и Самарском крае в XVII – начале XVIII в., находится в фондах «Таможни и кружечные дворы» и Печатного приказа РГАДА. Количество этих дел невелико, и они охватывают сравнительно небольшой период времени. Но и их изучение позволяет выявить последовательность смены откупщиков и «верных» таможенных голов, номенклатуру проходивших через таможню товаров, размеры «недобора» пошлин по сравнению с предшествующими сборами.

В Самаре, судя по архивным данным, как и в других городах Понизового Поволжья, преобладали откупа. Среди откупщиков упоминаются самарянин И. Волков (1656 г.), люди гостиной сотни И. Полунина и суконной сотни М. Володимиров (1679/80 г.). Последние просили снять с них оброк и передать таможню на «веру». «Верное» управление к концу XVII в. получает все более широкое распространение. В начале 1697 г. самарским таможенным головой был Д. Бородулин. Несколько позднее обязанности ларешного (целовальника, отвечавшего за ларь с таможенной казной) исполнял М. Васильев. Затем бурмистром стал И. Дьяков Меньший, позднее – Т. Шапошников, затем вновь И. Дьяков; в конце 1708 г. – М.

Истомин, при котором ларешным был М. Синицын⁴⁵. Как правило, таможенных голов ставили 1 сентября, т.е. в начале очередного года. Практически каждый год, при появлении новых откупщиков или «верных» голов, вставал вопрос о наддаче, увеличении размера таможенных сборов по сравнению с предшествующим периодом. Но нередкими были случаи, когда размеры сборов снижались. В данном случае производилось специальное расследование, и если такой недобор объяснялся объективными причинами, вина с «откупщиков» (голов) снималась. Например, в Самаре в 1688/89 г. против сбора 1682/83 г. недобор составил 333,895 руб., а против сбора 1687/88 г. – 45,385 руб.⁴⁴ Следующий «таможенный год» – 1689/90 г. был еще хуже. В нем против сбора 1682/83 г. недобор составил 563,655 руб.⁴⁵

Характерно, что, в отличие от соседней саратовской таможни (в 1633/34 г. откупщики которой платили 551,13 руб., а в 1672 г. посадские люди города просили сдать на откуп тому, кто предложит больше 1000 руб., если менее, то на веру⁴⁶), по Самаре не удается найти данных о размерах годовых откупных платежей за таможню. Скорее всего, по этим двум городам они были близки.

Судя по имеющимся 9 записям в самарской таможне этого времени самым привлекательным и практически единственным товаром для покупателей из Москвы, Коломны, Симбирска, Арзамаса, других городов и уездов являлась рыба, прежде всего яицкая. Размеры покупок в денежном выражении колебались в весьма значительных пределах – от 9-10 руб. до 450. Однако в основном фигурировали суммы в 50-130 руб.⁴⁷

Практически одновременно с основанием Сызрани (входившей тогда в Симбирский уезд) в 1683 г. в ней появилась своя таможня. От второй половины 1680-х – 1690-х гг. сохранилось всего 18 документов, составленных ее служащими. Большинство из них отражают события второй половины 1690-х гг., когда сызранской таможней руководили головы А. Еремеев и В. «Кононов сын» Спорышков, а ларешными были И. Кулабердин,

И. Васильев и И. Светликов. Как и в Самаре, все сохранившиеся записи показывают торговые операции с рыбой, как правило, свежей, но указаний, откуда она появлялась на сызранском рынке, нет. Покупателями этой рыбы и «рыбных припасов» были люди самого различного звания: больше всего из Симбирска, а также Карсуна, Владимира, Н. Новгорода. Суммы в 200-300 руб. встречались только трижды, от 100 до 200 руб. и от 50 до 100 рублей по четыре раза, и наконец, до 50 руб. – семь раз⁴⁸.

Поток всех остальных товаров, шедший мимо Сызрани по Волге, мог фиксироваться в местной таможне, но фактически на рынок не попадал⁴⁹.

Сохранились сведения еще об одной таможне, находившейся на территории Самарского края, в Надеинском Усолье, крупном промысловом владении, принадлежавшем во второй половине XVII – начале XVIII в. звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю⁵⁰. Записи в ней относятся к 1705 г. и касаются только покупок рыбы на местном рынке. Среди покупателей выступали симбиряне, нижегородцы, гороховляне, муромцы (всего 4 случая), а размеры явленных денег доходили до 30-40 руб.⁵¹

К сожалению, приходно-расходные книги местных городских учреждений, за исключением симбирской приказной избы, обнаружить не удалось. Сведения же о сборах в таможнях, а также содержащиеся в записных книгах Печатного приказа (собранные А.А. Герасимовым) слишком фрагментарны и не позволяют сделать сколько-нибудь обобщающих выводов. Об этом, кстати, писал и сам исследователь⁵².

Выше уже говорилось о «яицком пути», проходившем через территорию Самарского края. Практически вся рыба и икра, добываемые на Яике местным казачьим сообществом, *проходила* особую самарскую заставу (таможню), где с нее собиралась так называемая «десятая яицкая рыба».

Подобными сборами с различных волжских промыслов, в том числе и яицкого, занимались дворцовые промышленники.

Первым из известных нам «яицких и самарских рыбных промышленников» (иногда его называли просто «яицкий») в начале 1670-х гг. был симбирянин Степан Трофимов⁵³. По поручению приказа Тайных дел он скупал и солил рыбу на Яике и в Самаре, а затем вывозил ее в Москву. Регулярно получая из казны по 300 и более руб.⁵⁴, Трофимов должен был делать следующее: «... ему ж купить на Самаре и на Яике рыбы белуг и осетров соленых или свежих, сколько рыб мочно на 1000 рублей ... а к рыбной покупке и к солению тое рыбы и икры и для найму подвод взять целовальников из Синбирска одного человека, на Самаре 4-х человек, кому такие дела за обычай. А рыбу покупать на Яике и на Самаре, где прибыльнее. А для подъему тое рыбы на Яик посылать подводы покупные и наемные, смотря по тамошнему, какие прибыльнее. А с Самары к Москве тое рыбу и икру поднять на наемных же подводах по зимнему пути, не испустя времени. А для береженья денежные казны и рыбы имать ему от города до города и до Яику провожатых, по сколько человек пригоже, смотря по вестям, чтоб денежной казне и рыбе в дороге какие порухи не учинилось»⁵⁵. Судя по этому и другим источникам Самара была основным связующим звеном с яицким казачеством.

Яицкий извоз являлся, по мнению А.А. Герасимова, занятием самарских жителей. Об объемах вывозимой с Яика рыбы и «рыбных припасов» можно судить по откупным платежам. С откупщиков в казну брали до 1,5 тыс. руб. в год, сумма для 1670-х гг. весьма значительная⁵⁶.

В одной из жалоб властей Надеинского Усоля приводятся любопытные сведения о том, как производились сборы на Самаре: «... и с тое де их покупные Яицкие рыбы и икры, на Самаре емлют... десятую лутчую рыбу, и по заставам и в городе в воротех и в Самарском уезде, с их монастырских подвод емлют же подужные деньги и с людей головщину»⁵⁷. То есть сборы производились при въезде в Самару – «в воротах», на «заставах», находившихся за пределами его острожных укреплений,

а также в «Самарском уезде» (где именно, не указано). Монастырские предприниматели, ссылаясь на то, что они покупают рыбу на Яике «про свой обиход», а не для продажи, в конце 1670-х – начале 1680-х гг. смогли добиться, чтобы с них сняли «подужные деньги», «головщину» и «десятую рыбу»⁵⁸.

После упразднения Тайного приказа «на Самаре и в иных тамошних городах» введение сбором «десятой рыбы» перешло в приказ Большого дворца⁵⁹. О его доходности свидетельствуют откупные платежи, доходившие до 2000 и более рублей. В отписке казанского воеводы Н. Кудрявцева в Ижорскую канцелярию августа 1708 г. сохранилось описание «рыбных дворов», где собирали «десятую рыбу». Один из них располагался под Самарой на берегу Волги⁶⁰. С 3-х сторон он был огорожен «...тесом в столбы восемьдесят звен, в том числе 3 звена забраны бревнами... У того двора двои ворота, санные с калиткою, крыты тесом, а други [е – Э.Д.] санные без крышки». В пространстве двора располагалась изба с белой и черной горницами, соединенными сенями; амбары, чуланы, баня, изба караульная и другие сооружения. Стоимость всего этого комплекса по ценам того времени была весьма значительной и достигала 150 руб. 84 коп. Еще один «двор», устроенный под Сызранью, был значительно меньше по размерам и стоил всего 25 руб.⁶¹

Сохранились данные о некоторых откупщиках этого сбора. Во второй половине 1670-х гг. в Самаре и Симбирске им ведал кадашевец И. Полуниин «с товарищи». Затем на 3-летний срок с 1 сентября 1679 г. его передали гостю В. Воронину за 1475,25 руб. в год⁶². Воронин в 1682 г. являлся одним из основных участников компании, переправлявшей из Астрахани подрядную дворцовую рыбу. В начале 1690-х гг. он продлил на новый срок свой откуп, но вынужден был выплачивать уже 2000 руб.⁶³ И, наконец, в начале XVIII в., с 1 сентября 1701 г. сбор откупил с «наддачей» на 5 лет тяглец московской Басманной слободы И. Яковлев за 2500 руб. в год в приказ Большого Дворца⁶⁴.

Начиная с 1679 г. и в последующие годы В. Воронин должен был привозить в столицу по 489 белуг, 4290 осетров и чалбышей, 600 стерлядей, 556 пудов икры, 2 пучка вязиги и 3 пуда клея в год⁶⁵. Сбор, хранение и вывоз десятины с яицкой рыбы требовали значительного обслуживающего персонала. Видимо, такая служба была выгодным делом, о чем свидетельствует челобитная самарских посадских людей с просьбой им «быть у приему яицкой рыбы и икры»⁶⁶.

Разумеется, в данной статье рассмотрены только отдельные аспекты функционирования торгово-промышленной округи Самары. Но и их изучение позволяет сделать вывод не только о ее наличии, но и мощном воздействии на хозяйственную жизнь населения небольшого пограничного города Юга и Юго-Востока европейской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рабинович М. Русский средневековый город. Домашний быт, занятия, обычаи горожан. М., 2019. С. 16.
- ² Дубман Э.Л. К вопросу о составе и численности населения русского пограничного города конца XVII – начала XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной конференции. Москва, 17-19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 172.
- ³ Сташевский Е. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства // ЖМНП. Новая серия. Ч. XXXVIII. 1912, апрель. СПб, 1912. С. 294; Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1948. С. 322-331, 506-507.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41159, 41162.
- ⁵ Смирнов П. Окладная роспись пятинны по городу Саратову 1634 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916. Вып. 33. С. VI-IX; Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов - М., 1923. С. 223- 227.

⁶ Саратовский исследователь А.А. Гераклитов изучил записные книги Печатного приказа вплоть до конца 1670-х гг. и сделал выписки из них по Самаре и другим городам Нижнего Поволжья. Ознакомление с рукописями исследователя, находящимися в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИИ СПб ИИ) в фонде 38, позволило существенно облегчить работу над этой темой. Проведенная нами частичная сверка выписок Гераклитова с делами самого Печатного приказа, хранящимися в РГАДА, свидетельствует о скрупулезности и точности проведенной ученым работы.

⁷ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М., 1958; Ермолаева Л.К. Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII в. (к проблеме формирования всероссийского рынка): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981; Тришкан И.Е. Из истории казенных соляных дворов XVI-XVII вв. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 77-97; Дубман Э.Л. Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999; др. раб.

⁸ Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Тома VII и VIII. М., 1996. Т. 7. С. 438.

⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. С. 238.

¹⁰ Там же. С. 238.

¹¹ Разрядная книга 1475-1605. М., 1987. Т. III. Ч. II. С. 18.

¹² Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911. С. 853.

¹³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 163-285.

¹⁴ Гурьянов Е.Ф. Древние вежи Самары: Очерки истории градостроительства. 2-е изд, перераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 37-38.

¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 5; Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. С. 858.

¹⁶ Шубин И.А. Волга и волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927. С. 74-86; Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 24, 31; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 237.

- ¹⁷ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. (Экономика, политика, культура): сб. статей. М., 1966. С. 112-113.
- ¹⁸ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 46.
- ¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. С. 1649 по 1675. Т. 1. СПб., 1830 (далее ПСЗ-1). № 409. С. 692-695; № 514. С. 883-884; и др.
- ²⁰ Шубин И.А. Волга и волжское судоходство ... С. 74-86.
- ²¹ Елишин А.Г. Самарская хронология. Выпуск I – по 1750 г. включительно. Самара, 1918. (переиздание 2018 г.). С. 8.
- ²² Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары: Очерки истории градостроительства. С. 62.
- ²³ Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX – XVII вв.). СПб., 2006. С. 210-211.
- ²⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л. 1932. С. 124-125.
- ²⁵ Цит. по: Шефер А. Город Куйбышев: Очерки истории Самары-Куйбышева. Куйбышев, 1940. С. 20.
- ²⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее АИ). Т. 5. СПб., 1842. № 62. С. 91-93.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 13-17.
- ²⁸ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XV. Кн. 4. 1910. С. 291-292.
- ²⁹ РГАДА. Ф.396. Оп. 1, ч. 26. Д. 41162. Л. 29-45.
- ³⁰ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 41-65.
- ³¹ Сташевский Е. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. С. 84-96; Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года...; Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 158-161.
- ³² НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 80, 85.
- ³³ Там же. Л. 88.
- ³⁴ Там же. Л. 160.
- ³⁵ Там же. Л. 71, 73, 77-78, 160, 164 и др.
- ³⁶ Там же. Л. 77.
- ³⁷ Там же. Л. 164.
- ³⁸ Там же. Л. 88.
- ³⁹ Хранящаяся в НИА СПб ИИ (Ф. 38. Оп. 1. Д. 72) рукопись А.А. Гераклитова «Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)». Она была подготовлена нами к печати и издана во 2 выпуске «Классики самарского краеведения». См.: Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2 / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006. С. 193-257.
- ⁴⁰ Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVII-XVIII вв. М., 1991. С. 58; Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России... С. 356-357.
- ⁴¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 124-129.
- ⁴² Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России... С. 410.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1634. Л. 1-12.
- ⁴⁴ НИА СПб ИИ. Ф.38. Оп.1. Д. 66. Л. 112-113.
- ⁴⁵ Там же. Л. 123.
- ⁴⁶ НИА СПб ИИ. Ф.38. Оп.1. Д. 68. № 1410, 801.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1634. Л. 1-12.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1748. Л. 1-18.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1744а; 1745.
- ⁵⁰ Надеинское Усолье было в то время подконтрольно московским властям.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1-4.
- ⁵² Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного Приказа) // Классика самарского краеведения: антология / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Вып. 2. Самара, 2006. С. 194-195.
- ⁵³ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (далее – РИБ). СПб., 1907. Т.21. Стб. 940.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 495-496, 940-942.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 940-941.
- ⁵⁶ НИА СПб. ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 146.
- ⁵⁷ АИ. Т.5. СПб., 1842. № 62. С. 92.
- ⁵⁸ Там же. С. 91-93.
- ⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 2. № 1077. С. 622-623.
- ⁶⁰ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 161.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 521-522.
- ⁶² НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 146.
- ⁶³ Там же. Д. 66. Л. 113.
- ⁶⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 242.
- ⁶⁵ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 150-151.
- ⁶⁶ Там же. Д. 67. Л. 479.

**BIDDING, OUTPOSTS AND CUSTOMS OF THE BORDER VOLGA TOWN
IN THE LATE 16TH – THE EARLY 18TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF SAMARA)**

© 2019 E.L. Dubman

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolyov

The article is devoted to the specifics of the formation of the commercial and economic district around the Russian border towns in the late 16th – the early 18th century. The formation of a system of biddings, outposts, customs, and fees from trade operations is studied on the example of Samara.

Keywords: fortified town, trade routes, Volga, marinas, biddings, outposts, customs, leasing, «tenth fish from Yaik river» tax.